

*Nikita I. Khrapunov***JEAN REUILLY'S MISSION TO THE CRIMEA**

It is well known that an important element of Napoleon's policy lied in his attempt to return the lost influence in the Eastern Mediterranean and the Black Sea, the traditional zone of France's interest under the Ancien Régime. The Crimea, a Russia's recent appropriation, was viewed as an outpost allowing, on the one hand, to influence the military-political balance in this part of the world, and on the other hand, to plan commercial-economic penetration into the interior provinces of Russia and, farther, to Central Asia. In 1803, young French diplomat Jean Reuilly visited the Crimea to collect there an array of varied data concerning this peninsula, its natural wealth, history, population, and possible economic developments. This vast document, now residing in the archive of the French military office, was later published as a single volume. The French traveller's book, one of the first all-round descriptions of the Crimean Peninsula, almost escaped the scholarship's attention so far. This paper addresses the source in three aspects: international politics, the primary stage of the scientific research of the Crimea, and as an example of the Crimea's image burdened with stereotypes typical of the period.

Keywords: Modern history, France-Russia relations, Jean Reuilly, Crimea, travelogues, historical imagology

*G. Мюррей-Миллер****ТРАНССРЕДИЗЕМНОМОРСКАЯ ФРАНЦИЯ**

В течение XIX века колонизация Алжира оказала значительное влияние на французскую политику, культуру и экономику. В данной статье предлагается подойти к изучению Франции как Транс-Средиземноморского общества, характеризующегося не только национальными, но и колониальными элементами. В ней делается попытка проблематизировать границы между государством-нацией и империей за счет обращения ко множественным конкурирующим между собой вариантам национального воображаемого, которые нередко лежали в основе того или иного понимания Франции в эпоху империализма. Идея Транс-Средиземноморской Франции представляет собой один из способов концептуализации национально-имперского сообщества и служит инструментом для оценки французской истории, а также анализа текущих проблем, связанных с политикой идентичности и мультикультурализма на современном этапе.

Ключевые слова: история, Франция, Алжир, Средиземное море, нация, национализм, государство-нация

В XIX в. в результате колониальной экспансии Франция установила свой контроль над значительными территориями в Северной Африке. В то время как история французской североафриканской колониальной империи хорошо известна, смысл и значение, которые имело для самой французской нации обладание африканской, и прежде всего арабской территорией, изучены недостаточно. Завоевание Алжира оказало глубокое влияние на французское общество - влияние, которое ощущается и по сей день, как в политическом, так и в культурном плане. После 1830 г. Северная Африка постепенно стала восприниматься как расширение собственно Франции. Именно тогда родилась идея *транссредиземноморской* Франции, которая стала важным фактором экономических и политических отношений за пределами самого государства-нации. В результате завоевания Алжира Франция стала Транс-Средиземноморским обществом. Такое утверждение позволяет нам ставить вопрос о некоем новом типе франко-алжирской истории, который не

Гэвин Мюррей-Миллер, преподаватель Новой истории Европы в Школе истории, археологии и религии, университет Кардиффа.

вписывается в строгие категориальные рамки «нации» и «империи», по-прежнему структурирующие наш анализ прошлого.

Принято считать, что Франция - это сугубо европейская общность, существовавшая еще до начала колониальной экспансии Нового времени. В последние три десятилетия, однако, историки поставили этот взгляд под сомнение, указав на то, что империя глубоко затронула французскую национальную идентичность и общество метрополии. Сторонники этого мнения пытались выяснить, как колониализм повлиял на такие понятия, как раса, этничность и инаковость, не являющиеся самоочевидными с чисто континентальной точки зрения¹. Соображения относительно сходной природы создания империи и европейских наций расширили наше понимание взаимосвязи этих процессов. То колоссальное место, которое заморская империя занимала в культуре и общественной жизни XIX в., наводит на мысль о том, что империализм был чем-то большим, нежели просто вопросом политического действия и политического курса. Он способствовал трансляции представлений о национальной идентичности, осознанию пространственных и общественных различий и продвижению европейских идеалов, предполагающих способность человека к совершенствованию и активную роль государства в достижении этой цели². Такие тенденции были особенно сильны во Франции, где республиканская идеология, ставящая во главу угла национальное единство и универсальные ценности, стала благодатной почвой для формирования особого стиля колониального управления и имперского строительства. Поддерживая государственное устройство, основанное на принципах ассимиляции и объединения в нацию, Франция, в отличие от просто имперской нации, представляла собой «имперское государство-нацию»³.

Такие подходы позволили предложить убедительную постколониальную критику французского общества. В фокусе многих исследований оказались революционные конструкты гражданства, демократии и прав человека в XVIII-XIX вв., изучаемые на материале французских колоний в Атлантическом океане. Работы, посвященные особенностям колониальных владений в Атланти-

¹ Wilder G. Thinking French History: Colonial Studies beyond National Identity // After the Imperial Turn. Durham, 2003. P. 126-27.

² См.: Belmessous S. Assimilation and Empire. Oxford, 2013; Nationalizing Empires. Budapest, 2015.

³ См.: Wilder G. The French Imperial Nation-State. Chicago, 2005.

ке, показали, насколько подвижными и гибкими могли быть идеологические принципы и концепции национальной идентичности, когда они применялись в имперском контексте. Впрочем, почти весь XIX век основанная на рабском труде и колониальных плантациях Атлантическая империя оставалась в стороне от нового видения империи, вдохновленного Средиземноморьем, а критики общественного устройства и политические деятели того времени постоянно подчеркивали коренное различие между этими частями империи. Близость средиземноморского региона к континентальной Европе предрасполагала к более высокому уровню контроля и вмешательства со стороны метрополии, нежели в случае с удаленными атлантическими колониями. По этой причине Северная Африка играла ключевую роль в переформатировании имперских структур и практик, созданных предшествующими режимами, пересмотре представлений о национальных границах, идентичности и, по ходу дела, методах управления. В начале XIX в. Средиземноморье уже функционировало как лаборатория по выработке административной и модернизационной политики Первой империи⁴. Вступление Франции в османский Магриб в 1830 г. и последующее создание алжирской колонии переселенцев лишь усилило эти тенденции, поскольку Франция установила там свое постоянное присутствие, что обусловило сильное социальное и эмоциональное тяготение этого региона к Европе. После 1830 г. политическая жизнь метрополии стала все чаще и все более неожиданно проецироваться на Алжир, следствием чего явилось переплетение имперской и внутренней политики, оказавшее влияние на представления о политическом лидерстве, милитаризме, республиканских ценностях и гражданстве⁵.

Это растущее взаимодействие между имперской и национальной политической культурой послужило основой для *транссредиземноморской Франции* - абстракции, посредством которой французские республиканские ценности и национальная идентичность на протяжении всего XIX в. передавались населению национальных окраин⁶. Спустя всего два года после начала североафриканской военной экспедиции имперские идеологи уже строили в от-

⁴ Collier I. Arab France: Islam and The Making of Modern Europe, 1798-1831. Berkeley, 2010. P. 12-13, 218.

⁵ Sessions J. By Sword and Plow. Ithaca, 2011. P. 324-25.

⁶ Sheppard T. The Invention of Decolonization. Ithaca, 2006. P. 19-55; Silverstein P.A. Algeria in France. Bloomington, 2004. P. 52-67.

ношении нарождавшейся алжирской колонии переселенцев амбициозные планы завоевания и национальной ассимиляции. Вот что писал в 1832 г. один из основателей «Колониального общества штата Алжир» Виктор Арман Эн:

«Мы верим, что не за горами тот день, когда [Варварское] Регентство, управляемое с помощью тех же законов, что и метрополия, поделенное на департаменты, превратится в *транссредиземноморскую Францию* <...> Такой итог будет достоин великой нации, и наши дети будут испытывать гордость, когда на первых уроках географии учитель спросит их, знают ли они, где проходят границы их родины, и они ответят, проведя пальцем по карте: “На севере границей Франции являются Ла-Манш и Па-де-Кале, а на юге – великая пустыня Сахара”»⁷.

Вряд ли Эна можно считать идейным вдохновителем или главным архитектором французской колониальной политики, однако его памфлеты в защиту колониализма показательны с точки зрения особого национально-имперского типа мышления, исполненного нового чувства национализма и общности, которое получило импульс к развитию в годы Французской революции и наполеоновского правления. Хотя в работах по истории французского колониализма традиционно проводится радикальное, качественное различие между Первой французской колониальной империей, главные центры которой находились в Атлантике, и Афро-Азиатской империей, взлет которой произошел столетием позже, в годы Третьей республики, - интервал между этими двумя колониальными режимами позволяет предположить, что схема развития была на самом деле не столь линейной, как это казалось ранее⁸.

Транссредиземноморская Франция представляла собой важнейшую идеологическую конструкцию в рамках определенного видения империи, выкристаллизовавшегося в постреволюционный период - отрезок времени, удачно названный Дэвидом Тоддом «зенитом французского империализма»⁹. Двусмысленный статус Алжира по отношению к Франции в период до 1870 г., его близость к европейской метрополии, внушительная численность переселенцев и мусульманского населения - все это делало его одновременно уникальной колониальной территорией и образцо-

⁷ Hain V.-A. A la nation sur Alger. P., 1832. P. 56.

⁸ См.: France's Lost Empires. Plymouth, 2011.

⁹ Todd D. A French Imperial Meridian, 1814-1870 // Past and Present. 2011. № 210, feb. P. 155-86.

вой колонией возрожденной французской империи. Это противоречие стало одним из многих, способствовавших оформлению так называемого «алжирского вопроса», который включал в себя целый комплекс проблем - от вариантов политической интеграции и культурной ассимиляции до допустимых пределов принятия в саму французскую нацию. Будучи точкой конвергенции двух различных дискурсов - национального и колониального - Алжир дает ценный материал для выяснения того, как люди XIX в. интуитивно понимали такие концепты, как национальность, модерность, а также отношения между французской метрополией и колониальной периферией¹⁰.

Не следует понимать «особые» отношения, существовавшие между Францией и Алжиром, как чисто колониальные или имперские. Французская национальная идентичность не была раз и навсегда установленной; она формировалась в разнообразных, подчас противоречивых контекстах, позволявших возникающим новым идентичностям существовать наряду с такими концептами, как европейский «гексагон», «французская Атлантика» и даже способное к расширению «имперское государство-нация»¹¹. *Транссредиземноморская Франция* представляла собой лишь один специфический вариант национального воображаемого в ряду других, и к тому же менявшийся на протяжении XIX в. по мере завоевания и заселения алжирских территорий. В качестве таковой она служит средством анализа определенной идеи Франции, которая была актуальной и значимой для граждан в данном конкретном контексте. Путем изучения отношений, структур и представлений, которые пересекали в обоих направлениях Средиземное море и соединяли между собой два континента, мы можем начать воспринимать Францию как транс-Средиземноморское государство и нацию.

Алжир и французская национальная идентичность

Средиземноморье всегда занимало важное место в воображении французов. Одни делали акцент на классическом и христианском наследии этого региона, подчеркивая однородность латинской культуры. Другие, наоборот, представляли Средиземноморье

¹⁰ Henry J.-R. Introduction // French and Algerian Identities From Colonial Times to the Present. Lewiston, 1993. P. 4.

¹¹ Gosnell J. The Politics of Frenchness in Colonial Algeria. Rochester, 2002. P. 1-4.

в качестве буферной зоны между Востоком и Западом, характеризующейся культурным обменом и разнообразием¹². Это различное восприятие неизменно проявлялось в дебатах по поводу колоний в Северной Африке и играло ключевую роль в способах интерпретации жителями метрополии и колонистами идеи «французского» Алжира, а также самой французской нации. Различные вариации французского национального дискурса неизменно заключали в себе «расщепленность» между двумя различными идеями французской нации: одну можно назвать эссенциалистской, а другую – космополитической и инклюзивной¹³. Алжир высветил эти присущие французской идентичности внутренние противоречия.

Уже в первые несколько лет французского присутствия Алжир получил статус колонии переселенцев и «навечно французской земли», как провозгласил в 1834 г. Луи-Филипп. Прибрежные территории были присоединены непосредственно к нации, что отодвинуло границы Франции вглубь Северной Африки. Переселенцы, естественно, поддерживали идею франко-алжирской Транс-Средиземноморской нации, ратуя за равенство с жителями метрополии. Один такой «колонист» в 1848 г. напоминал своим заморским соотечественникам: «Французы метрополии и французы Алжира, мы один народ!»¹⁴ Спустя десять лет журналист Клеман Дювернуа вновь поднял эту тему, заявив: «Алжир - не колония: никто уже давно к нему так не относится»¹⁵. То, что впоследствии Дювернуа работал постоянным автором французской ежедневной газеты *Le Temps*, а в 1869 г. был избран в Национальное собрание и некоторое время занимал пост министра экономики Франции, свидетельствовало о наличии в конфигурации будущего транс-Средиземноморского французского сообщества перекрещивающихся траекторий. Франко-средиземноморский национализм, сторонниками которого выступали колонисты, нашел свое законченное выражение в одной из публикаций алжирской ежедневной газеты «Акбар», где говорилось о «непрекращающемся потоке людей и дел <...> [и] постоянном обмене идеями и чувствами», соединяющим Францию и Алжир. «Можно ли говорить, что это две разные страны? - задавался вопросом автор пу-

¹² Haddour A. Algeria and its History: Colonial Myths and the Forging and Deconstruction of Identity in Pied-Noir Literature // French and Algerian Identities. P. 79-89.

¹³ Silverstein P. Op. cit. P. 10.

¹⁴ Akhbar. 6 April 1848.

¹⁵ Duvernois C. L'Algérie. Algiers, 1858. P. 259, 239.

бликации. - Скорее, это разные части одного тела, получающие жизненные импульсы от одного сердца»¹⁶.

Такие настроения были характерны не только для «колонистов». Они находили отклик и в пределах «гексагона». Как утверждал в 1869 г. проколониальный публицист Анри Верн, Алжир следует рассматривать как «вторую Францию, а еще лучше - как часть самой Франции»¹⁷. Республиканец Жюль Фавр был ярким сторонником присоединения Алжира и в 1850-1869-е гг. неоднократно ездил в города Алжир и Константину, чтобы напрямую общаться с колонистами. Он заявлял: «Алжир - это наша страна. Найдется ли кто-нибудь, кто не способен узнать в этой плодородной и богатой стране зеркального отражения нашей родной земли?»¹⁸ Для Фавра и других республиканцев его поколения идея транс-Средиземноморской Франции сводилась к принципиальной защите гражданства, неотделимого от республиканских ценностей, предполагающего сообщество, основанное не на границах или этнических особенностях, а на обещании политического и гражданского равноправия, - «сообщество граждан», питающее корни реальной демократии. Католики также поддерживали идею Французской африканской провинции, хотя и по причинам, отличным от тех, что выдвигали светские республиканцы, подобные Фавру. Вдохновленные мечтой о рехристианизации Северной Африки, религиозные полемисты без колебаний объявляли Алжир ядром католического возрождения, который со временем вернет «старшую дочь католической церкви» к ее истинным корням и традициям¹⁹. В 1848 г. легитимист Жан Жозеф Франсуа Пужула, выступая перед Национальным собранием, заявлял: «Алжир - не колония <...> Это укрупнение Франции и расширение *родины*»²⁰.

В то время как в поддержке *транссредиземноморской* Франции недостатка не было, с французскими переселенцами дело обстояло не так хорошо, как хотелось. Несмотря на все разговоры о новой французской «провинции» на побережье Северной Африки людей для заселения территории не хватало. В годы Июль-

¹⁶ Akhbar. 13 June 1869.

¹⁷ Verne H. La France en Algérie. P., 1869. P. 37.

¹⁸ Le Temps. 6 November 1868.

¹⁹ См., например: La Question d'Orient au point de vue français et catholique. P., 1864; Poujoulat J.-J.-F. Études africaines. P., 1847; Veillot L. Les français en Algérie. Souvenirs d'un voyage fait en 1841. Tours, 1869.

²⁰ Le Moniteur Universel. 20 September 1848.

ской монархии правительство выделило средства на серию пропагандистских кампаний, направленных на привлечение переселенцев в колонию. Государство предлагало концессии и транспорт для квалифицированных сельскохозяйственных рабочих, выразивших желание эмигрировать, и даже наняло памфлетистов, дабы рекламировать регион и сделать его привлекательным для потенциальных колонистов²¹. Другая стратегия была нацелена на приращение Алжиру более выраженного французского характера. Поселения назывались в честь французских деревень, чтобы напоминать колонистам об их «*terre natale*» и поощрять «*провинциальный патриотизм*»²². Вплоть до 1860 г. большую часть переселенцев составляли выходцы из разных стран, прежде всего итальянские, испанские и мальтийские иммигранты²³. Лояльность этих переселенцев-нефранцузов вызывала сомнения у колониальной администрации, отмечавшей их склонность «кучковаться вместе» и предаваться своим «первобытным инстинктам». По закону о гражданстве 1889 г. всеобщая натурализация была отныне распространена на всех проживающих в колонии европейских «иностранцев», но и тогда у правительства оставались подозрения относительно разнообразных островных национальных сообществ, существовавших в лоне франко-алжирского контингента переселенцев²⁴. Усилия, направленные на построение французского сообщества, были порой амбициозны. Но они высветили один тревожный факт: «французский» Алжир был не столько реальностью, сколько идеологической выдумкой.

Осознание этого факта содействовало появлению альтернативного образа Средиземноморья, в котором регион виделся как гетерогенный, как место столкновения и конфликта культур. В путевых записках и описаниях востоковедов, посвященных Северной Африке, постоянно отмечалась этническая и культурная разнообразность этого региона с его «причудливым, колоритным и дразнящим многообразием»²⁵. И даже век спустя, в 1930-е гг., Альбер Камю назовет Северную Африку «одним из тех уникальных

²¹ Sessions J.E. Op. cit P. 219-249.

²² Dodman T. Un pays pour la colonie // Annales. Histoire, Sciences Sociales. 2011. № 3. P. 776-78.

²³ Prochaska D. Making Algeria French. Cambridge, 1990. P. 124.

²⁴ Smith A.L. Citizenship in the Colony // Nineteenth-Century Algeria. Polar. 1996. № 1. Nov. P. 37.

²⁵ Goncourt E., J. de. Alger: Noyes au Crayon // Goncourt E., J. de. Pages retrouvées. P., 1886. P. 267-68.

регионов, где Восток и Запад сосуществуют бок о бок»²⁶. С этой точки зрения, Средиземное море виделось как транснациональная граница, проходящая поверх европейской и мусульманской культур. По мнению Эмиля Барро, французская экспансия должна была объединить различные средиземноморские «регионы и расы» в единое общественное устройство, смешав культуры Востока и Запада и создав «омоложенную цивилизацию», построенную на гуманистических и универсальных ценностях²⁷. Этот взгляд был основной идеологической посылкой сен-симонистов, которые в XIX в. активно содействовали распространению французского влияния по всему средиземноморскому бассейну. Взаимодействие сторонников движения с Египтом, Левантом и Алжиром подчинялось общему стремлению объединить Запад и Восток посредством французской торговли и культуры²⁸. «Сегодня французское пророчество является всеобщим, - писал лидер сен-симонистов Проспер Анфантен в 1840 г. - Оно касается Востока в той же мере, что и Запада, магометан - точно так же, как и христиан. Оно есть объединение, *породнение* людей»²⁹.

Здесь просматривается иная концепция *транссредиземноморской Франции*. В противоположность агрессивной политике колонизации, сен-симонисты отстаивали примирение и единение как основу нового типа общества, создание которого должно было происходить под эгидой Франции. По мнению Анфантена, Алжиру предстояло сыграть важную роль в переделке французского общества. Алжир и Франция «неразрывно связаны друг с другом, - доказывал он в 1840 г. - Они сросшиеся телами близнецы, которые вынуждены либо жить вместе, либо вместе умереть»³⁰. В этих условиях реформированная французская нация, которая должна была появиться в результате контактов с Северной Африкой, представлялась ему как «такая Франция, в которой есть и что-то от бедуина, и что-то от крестьянина <...> а, может быть, и что-то от *нашии*»³¹. В 1860-е гг. это видение оказалось на переднем плане французской политической жизни, когда один из последователей

²⁶ Camus A. Présentation de la revue « Rivages » // Camus A. Essais. P., 1977. P. 1331.

²⁷ Barrault É. Occident et Orient. P., 1835. P. 233, 254.

²⁸ Temime É. Rêves Méditerranées et présence française en Orient // L'Orientalisme des Saint-Simoniens. P., 2006. P. 19.

²⁹ Saint-Simon H.de, Enfantin P. Œuvres de Saint-Simon. P., 1964. Vol. 32. P. 14.

³⁰ Enfantin P. Colonisation de l'Algérie. P. 457.

³¹ Œuvres de Saint-Simon. Vol. 32. P. 7.

Анфантена - Исмаэль Юрбен - предложил для Алжира курс на интеграцию местного населения и предоставление ему гражданских прав. План Юрбена предусматривал «возрождение» арабского народа и создание франко-мусульманского общества, построенного как на западных основаниях, так и на «традициях и историческом опыте» арабской нации³². Его идеи получили поддержку императора Наполеона III, который в 1863 г. шокировал публику своим заявлением, напечатанным как по-французски, так и по-арабски, о том, что Алжир, «...строго говоря, не колония, а Арабское королевство». Подчеркивая соблюдение Францией принципов толерантности и национального освобождения, император и его советники предложили комплексный план интеграции мусульман, имевший целью гарантировать местному населению доступ к руководящим должностям в колониальной администрации, право голоса на местных выборах и свободу вероисповедания. Позиционируя себя как «такого же императора арабов, как и императора французов», Наполеон III даже предлагал содействовать формированию среди алжирских мусульман самостоятельной арабской нации и уговаривал европейских поселенцев смотреть на арабов, как на «соотечественников»³³. По прошествии двух лет эта инициатива получила формальное продолжение в виде распространения французского гражданства на жителей-мусульман, а император выступил со смелым заявлением о том, что «арабы - это французы, поскольку Алжир - это французская территория»³⁴.

Колонисты яростно сопротивлялись проведению этого курса и называли императора и его окружение предателями своего народа и цивилизации. По их мнению, арабизированный Алжир подрывал саму идею «французского» Алжира. В частности, европейские колонисты отнюдь не были расположены относиться к представителям «варварского» мусульманского населения как к равным или как к соотечественникам. Противостояние распространилось и на общенациональный парламент в Париже, где критики предупреждали о «нашествии *туземного* элемента», который поглотит нацию в случае, если арабы получат право голоса³⁵. Как отмечал сенатор Фердинан Барро, в ходе этих ожесто-

³² Voisin G. [Urbain I.]. L'Algérie pour les algériens. P., 1861. P. 10.

³³ Archivés Nationales 234 A. P 4. Письмо Его Величества Императора от 6 февраля 1863 г.

³⁴ Цит. по: Spillmann G. Napoléon III et le Royaume Arabe d'Algérie. P., 1963. P. 58.

³⁵ Annales du Sénat et du Corps législatif. 1870. № 2. P. 536-37.

ченных дебатов алжирская политика приобрела «ярко выраженный общегосударственный характер»³⁶.

К 1860-м гг. *транссредиземноморская Франция* стала вопросом общенациональной повестки дня, когда проблемы интеграции и гражданства выявили два различных представления о французском обществе. Для «колонистов» и националистов Транс-Средиземноморская французская нация означала: колонизация, ассимиляция и гражданское население, состоящее из *коренных французов*. Противоположное видение, предложенное сен-симонистами и наполеоновским правительством, рисовало сложное по составу и разнородное французское сообщество, основанное на ассоциации, натурализации и космополитических принципах. Ключевой проблемой для этих двух конкурирующих видений было включение или исключение коренного алжирского населения, они отражали противоречия между частными и универсальными концептами, на которых строилось национальное воображаемое французов. Вопрос о том, что такое *транссредиземноморская Франция*, породил дебаты о том, что такое французская идентичность, наглядно продемонстрировавшие, что французское гражданство – понятие явно «двусмысленное»³⁷.

Колониализм, регионализм и «Транссредиземноморскость»

Если алжирский колониализм интерпретировался как форма создания нации, то важно рассмотреть, как этот вид создания нации понимался и концептуализировался. Традиционно считалось, что современная французская нация сформировалась в результате программы централизованной государственной политики, начало которой положила Французская революция. В этой модели особо подчеркивался примат Парижа над провинциями и создание национального сообщества посредством спускаемой сверху культурной политики. Однако этот аргумент недавно подвергся пересмотру в свете наличия сильных региональных идентичностей и лояльностей, продолжавших существовать не только в XIX, но и в XX веке³⁸. Французская национальная идентичность и дискурс никогда не были единообразны и нередко строились на стыке провинции и нации. Общенациональная культура была интегриро-

³⁶ Ibid. 1863. № 2. P. 243.

³⁷ Fassin D., Mazouz S. Qu'est-ce que devenir français? // Revue française de sociologie. 2007. № 48:4. Oct.-dec. P. 727

³⁸ Chanut J.-F. École républicaine et les petites patries. P., 1996.

вана в местные формы идентичности, а посредством концептов *родного края (pays)* и *малой родины* французская нация осознала себя на локальных уровнях общества³⁹. Регионалисты XIX столетия продвигали образ Франции, символизирующий «разнообразие в единстве», в противоположность спускаемой сверху политике национально-государственного строительства, поддерживаемой официальными властями.

Франция мыслилась как «нация регионов», а процессы региональной интеграции и развития в XIX в. не сходили с повестки дня. Так, Ницца и Савойя, приобретенные Наполеоном III лишь в 1860 г., были провинциями, которые, во многом по аналогии с алжирскими территориями на юге, должны были быть «ассимилированы» в экономическом, политическом и культурном отношении. Французский «гексагон», сегодня прочно ассоциирующийся с окончательными границами этой страны, вовсе не обязательно был реальностью в воображении людей XIX в. Продолжающимся территориальным приобретением и экспансии еще только предстояло вписать Францию в устойчивые географические рамки, что позволяло идеологам колониализма и переселенцам рассуждать о возможности такой французской нации, которая охватит собой весь средиземноморский бассейн. Факт приобретения чужих территорий вместе с их населением, не говоря уже об ощущении чужеродности у себя дома, которое испытывали многие французы во время поездок во французскую «глубинку», указывают на то, что терминология и язык, свойственные французскому колониализму, никогда не существовали отдельно от внутрифранцузских дискурсов и что границы между метрополией и колониями нередко могли быть пористыми и размытыми.

При формулировании «алжирского вопроса» колонисты и колониальные власти активно присваивали себе региональные дискурсы. Так, проколониальный писатель Жюль Дюваль не считал, что к Северной Африке применимы столь уж строгие различия между «метрополией» и «колонией». Появление в XIX в. пароходов и других изобретений в сфере транспорта и коммуникации означало, что Средиземное море уже не является препятствием для складывания нации. «В наши дни, - писал он в 1857 г., - внутренние океаны - уже не барьер, а способ связи между людьми. Они не уничтожают единства государств». Дюваль полагал, что

³⁹ Gerson S. The Pride of Place. Ithaca, 2003.

Алжир - это Франция и что отношения сторон приняли форму региональной ассоциации. Алжир был всего лишь одной из многих «разнообразных провинций», столь характерных для французской нации⁴⁰. В некоторых отношениях правительство оказалось восприимчивым к таким взглядам. Его колониальная политика в 1840-1850-е гг. была направлена на воссоздание французской *pays* на североафриканских рубежах и поощряла локальные формы алжирского патриотизма⁴¹. Конечно, разговоры о *pays* и *малой родине* были палкой о двух концах. Упомянувшийся ранее Виктор Юрбен считал, что региональное многообразие Франции делает возможным создание в Алжире своей арабской *pays* с собственным культурным наследием и неоднократно высказывался в том же духе по поводу необходимости интеграции местного населения и создания франко-мусульманского общества. По его мнению, Франция представляла собой богатую и разнообразную мозаику обычаев, языков и людей, объединенных общими ценностями. «Разве тот факт, что Франция является сегодня одной из самых гомогенных наций в Европе, дает нам право игнорировать многообразие ее истоков в различных провинциях?»⁴² А потому не было ничего сверхъестественного в том, чтобы и Алжир считать такой же, только мусульманской *pays* и «арабизированной» провинцией в составе французской нации, составленной из разнообразных *малых родин*.

Концепции Транс-Средиземноморской Франции стали дальнейшим развитием таких тем, как «разнообразие в единстве» и региональная идентичность. Они также служили укреплению существующих региональных идентичностей в континентальных центрах, связанных с колониальной торговлей. Так, Марсель снискал себе славу «колониальной столицы» Франции благодаря своей вовлеченности в имперскую торговлю и судоходство. Разнообразные торговые предприятия, ориентированные на Северную и Западную Африку, способствовали складыванию его уникальной городской идентичности⁴³. Североафриканский колониализм стал составной частью *марсельской* идентичности, как, впрочем, и идентичности многих других портов и городов, расположенных вдоль средиземноморского побережья. Местная элита заседала в

⁴⁰ Duval J. L'Algérie et les colonies françaises. P., 1879. P. 62, 31, 92.

⁴¹ Dodman T. Op. cit. P. 780-81.

⁴² Urbain V. Des Arabes // Journal des Débats. 19 December 1837.

⁴³ Entrepreneurs d'empires. Marseille, 1998.

торговых палатах, лоббировала колониальный бизнес и отстаивала колониальные интересы в муниципальном, региональном и общегосударственном контекстах. Тесное переплетение социальных и экономических отношений сближало между собой такие категории, как регион, нация и империя, порождая своего рода «регионалистский империализм», который стал важнейшей стороной муниципальной жизни французских городов, связанных с империей⁴⁴. Взаимосвязь между экономиками южной Франции и Северной Африки наглядно проявилась в бизнес-подвигах выдающихся промышленников Эдуара и Полена Талабо. В 1857 г. братья основали Парижско-лионско-средиземноморскую железнодорожную компанию, которая построила главные железнодорожные магистрали, соединившие столицу и порты на южном побережье. В 1863 г. они основали Компанию алжирских железных дорог, сосредоточив в своих руках финансируемую государством монополию на железнодорожное строительство в Алжире, и, таким образом, распространили свою промышленную империю по другую сторону Средиземного моря.

Региональные и колониальные интересы очертили некую Транс-Средиземноморскую сферу, характеризующуюся движением товаров и экономической активностью. Эта экономическая интеграция отражала и некоторые аспекты интеграции политической. Так, в 1848 г. три алжирские провинции в регионе Телль - Алжир, Константина и Оран - были признаны в качестве административных юрисдикций Франции, что сделало их *de facto* департаментами французского государства. Поселенцам было предоставлено право избирать депутатов в Национальное собрание, участвовать в государственной политике и избирать муниципальные советы в своей местности⁴⁵. И хотя в годы Второй империи эти вольности были заметно урезаны, поселенцам все же удалось сохранить мощное оппозиционное движение за колониальные права и гражданство. За десять лет движение за гражданские права алжирцев сумело привлечь в свои ряды сторонников из метрополии, вставших на сторону сообщества переселенцев. Как заявлял перед Законодательным корпусом Жюль Фавр, Франция и Алжир - это территории, «разделяемые только французским

⁴⁴ Aldrich R. Colonialism and Nation-Building in Modern France // *Nationalizing Empires*. P. 173-88.

⁴⁵ Boyer P. La vie politique et les élections à Alger // *La révolution de 1848 en Algérie*. P. 1949. P. 54-55.

озером», и они должны быть соединены узами единого гражданства⁴⁶. С переходом к Третьей республике в 1871 г. представительство алжирских департаментов в Национальном собрании было восстановлено, что позволило им вновь избирать национальных представителей. Третья республика была, в действительности, Транс-Средиземноморской республикой, граждане которой проживали на территориях, простиравшихся от европейского континента до побережья Северной Африки.

Политические узы, связывавшие европейское и североафриканское сообщества, еще более укрепились благодаря книгоиздательству и печатной культуре, содействовавшим развитию нарождавшейся транс-Средиземноморской публичной сферы. Континентальные элиты читали колониальные газеты и следили за положением дел в Алжире. Аналогичным образом, французские ежедневные газеты, такие как *Le Temps* или *La Presse*, имели постоянные рубрики, в которых пересказывались или перепечатывались статьи из алжирской прессы, а книгоиздатели предлагали вниманию континентальных читателей литературные сочинения и научные труды на североафриканские темы. Поскольку народная культура все больше проникалась имперскими мотивами, психологическая дистанция между метрополией и колонией сокращалась⁴⁷. Необычайно поучительным средством передачи восприятия колоний стали путевые заметки, а такие писатели, как Теофиль Готье, Эрнест Фейдо и Эжен Фромантен, всеми способами старались привлечь внимание читателей к осовремененным ландшафтам и городской жизни колониального Алжира, что снижало «экзотические» и чуждые коннотации в восприятии Востока. Фромантен жаловался на повсеместные «имитации Парижа» и улицы, напоминающие улицу Риволи, которые ему довелось увидеть, путешествуя по колонии⁴⁸. Город Алжир с его кафе, завсегда-таями которых были французские колонисты, бульварами, вдоль которых располагались универсальные магазины, - все это делало алжирскую столицу этаким «Парижем Востока».

При этом закат «азиатской» Северной Африки происходил на фоне бурного расцвета ориентализма в культуре самой метрополии. Французское завоевание Алжира дало толчок новой «ориен-

⁴⁶ Favre J. Discours parlementaires. P., 1881. Vol. 3. P. 549.

⁴⁷ Culture colonial en France de la Révolution Française à nos jours. P., 2008. P. 99-105; Celik Z. *Displaying the Orient*. Berkeley, 1992. P. 2-3.

⁴⁸ Fromentin E. *Between Sea and Sahara*. Athens, 1999. P. 11.

тализированной» французской культуре, пользовавшейся популярностью среди части богемы и в некоторых интеллектуальных кругах. Достаточно часто это направление транслировало грубые стереотипы и сомнительные клише. Например, после своей поездки в Алжир в 1840-е гг. Теофиль Готье стал носить традиционный арабский наряд и собирать произведения североафриканского «декоративно-прикладного искусства», заявляя при этом: «Мы завоевали Алжир, а Алжир - нас»⁴⁹. Хотя такое поведение было, несомненно, ориентализующим позёрством, его нельзя рассматривать в отрыве от известной убежденности в том, что Франция способна охватить и ассимилировать самые различные культурные влияния. В одной из своих, на этот раз более художественных публикаций Т. Готье предложил перестроить Париж так, чтобы греко-римские фасады соседствовали там с «минаретами и мавританской архитектурой». При этом, пояснял он, каждая улица внутри этого «ансамбля» разнородных культурных влияний, должна обладать своим особым «характером», иллюстрируя понятие «многообразия в единстве», воплощением которого является Франция⁵⁰. Подобная ориенталистская мешанина недвусмысленно свидетельствовала о новой фазе присутствия Средиземноморья во французской системе координат, что усиливало у читателя и зрителя ощущение культурного обмена и Транс-Средиземноморскости, какие бы избитые или вычурные формы они ни принимали.

Французская история как Транс-Средиземноморская история

В XIX в. Франция политически, экономически и культурно функционировала как Транс-Средиземноморское общество. Идея *транссредиземноморской Франции* означала лишь один из возможных способов восприятия и осмысления французами собственной нации. Если мы согласны с тем, что нации являются «воображаемыми сообществами», следует также признать, что они не являются монолитными конструкциями со строго определенной самоидентификацией, географией или концептуальным единством. Как раз наоборот, национальная идея является необычайно эластичной, она идет вразрез и пересекается с целым рядом конкурирующих вариантов памяти, традиций и местных особенностей, которые могут так или иначе претендовать на то, чтобы считаться

⁴⁹ Цит. по: Hartman E. Three Nineteenth-Century French Writers. Tübingen, 1994. P. 11-12.

⁵⁰ Gautier T. Caprices et Zigzags. P., 1852. P. 323, 319.

частью национальной ткани. Таким образом, переосмысление места Франции в транс-Средиземноморском контексте - это не только попытка воссоздать исторически обусловленное понимание нации, не сводящееся к дихотомии «метрополия - колония» или «Запад - Восток»; это также попытка предложить новые рамки для изучения французской модерности *в принципе*.

Концепции *транссредиземноморской Франции* включали две разные идеи французской нации. Более того, конкурирующие подходы к национальности, лежавшие в основе различных представлений о французском сообществе, раскинувшимся по обе стороны Средиземного моря, остаются актуальными для французского общественного и культурного дискурса и сегодня. Это означает увековечение дискурсивных практик, с помощью которых одновременно провозглашается идея Франции, открытой для иностранцев и разнообразных культур, и в то же время выражается враждебность по отношению к культурным различиям во имя национального единства. Такой дуализм всегда был центральной особенностью коллективного воображаемого у французов, порождая «политику францужестности», которую еще только предстоит выработать. Историю транс-Средиземноморской Франции ни в коей мере нельзя считать завершённой. Консерваторы, заявляя, что защищают аутентичную французскую культурную идентичность от иностранных влияний, играют на страхе французов перед тем, что Франция станет «Афро-Средиземноморской страной», если не отреагировать вовремя на текущие тенденции в сфере иммиграции⁵¹. Хотя в середине 1800-х гг. «ориенталисты» вроде Готье с упоением грезил о Париже с мечетями и мавританской архитектурой, век спустя выяснилось, что в реальности это может выглядеть достаточно зловеще. К 1947 г. растущая численность мусульман в городе побудила одного журналиста выступить с предупреждением о том, что «Париж с его 300 000 североафриканцев, мусульманскими институтами и мечетями» идет по пути превращения в «исламскую столицу»⁵². Это предостережение резко контрастировало с образом Парижа, продвигаемым официальной пропагандой. Так совпало, что в 1946 г. на экраны вышел созданный по заказу государства фильм, предназначавшийся проживавшим в стране североафриканцам. В нем столица изображалась как город, «где бок о

⁵¹ Gurfinkiel M. Islam in France // Middle East Quarterly. March 1997. P. 19-29.

⁵² Couvreur J. Instanté-Ramadan // Le Monde. 12 August 1947.

бок живут представители разных рас, где соприкасаются все цивилизации, где мирно уживаются все философии и все верования»⁵³. Спустя почти век после неоднозначных решений Наполеона III по Алжиру *транссредиземноморская Франция* по-прежнему воплощала в себе двусмысленность и противоречия, проистекавшие из несовместимых национальных идеалов - коммунитарного единства, с одной стороны, и разнообразия, с другой.

Если ссылки на транс-Средиземноморскую Францию могут вызвать в постколониальном французском обществе лишь невольные и даже ностальгические реминисценции, то последствия, которые имело для Франции это национально-имперское воображаемое, отнюдь не закончились с окончанием века колониальной империи. Дискуссионная тема «ислама во Франции», вставшая с притоком иммигрантов из Северной Африки, свидетельствует сегодня о появлении новой буферной зоны, в которой по-прежнему сталкиваются противоположные трактовки национальности и борются между собой космополитизм, универсализм и национальный партикуляризм⁵⁴. Попытка собрать вместе бесчисленные способы, с помощью которых французская нация мыслила, репрезентировала и прославляла себя на протяжении всей своей бурной и драматической истории влечет за собой не только переосмысление того, как Франция стала нацией, которой она когда-то была, но и того, как она стала такой, какова она сегодня.

Перевела с английского языка
доцент РГГУ Ю.В. Ткаченко

Список литературы

- After the Imperial Turn: Thinking with and through the Nation / Ed. A. Burton. Durham: Duke University Press, 2003.
- Barrault É. Occident et Orient : Études politiques, morales, religieuses. Paris: A. Poigin, 1835.
- Belmessous S. Assimilation and Empire: Uniformity in French and British Colonies, 1541-1954. Oxford: Oxford University Press, 2013.
- Camus A. Essais. Paris: Gallimard, 1977.

⁵³ Цитата из фильма «В тени мечети», цит. по: Davidson N. Only Muslim. Ithaca, 2012. P. 105.

⁵⁴ См.: Alsayyad N. Muslim Europe or Euro-Islam: On the Discourse of Identity and Culture // Muslim Europe or Euro-Islam. Lanhaam, 2002. P. 28.

- Çelik Z. Displaying the Orient: Architecture of Islam at Nineteenth-Century World's Fairs. Berkeley: University of California Press, 1992.
- Chanet J.-F. École républicaine et les petites patries. Paris: Aubier, 1996.
- Coller I. Arab France: Islam and The Making of Modern Europe, 1798-1831. Berkeley: University of California Press, 2010.
- Culture coloniale en France de la Révolution Française à nos jours / Sous la dir. de P. Blanchard, S. Lemaire, N. Bancel. Paris : CNRS Editions, 2008.
- Davidson N. Only Muslim: Embodying Islam in Twentieth-Century France. Ithaca: Cornell University Press, 2012.
- Dodman T. Un pays pour la colonie: Mourir de nostalgie en Algérie française, 1830-1880 // Annales. Histoire, sciences sociales. 2011. № 3. P. 743-784.
- Duval J. L'Algérie et les colonies françaises. Paris: Librairie Guillaumin, 1879.
- Duvernois C. L'Algérie: Ce qu'elle est, ce qu'elle doit être. Algiers: Dubos Frères, 1858.
- Enfantin P. Colonisation de l'Algérie. Paris: P. Bertrand, 1843.
- Entrepreneurs d'empires / Sous la dir. de M. Courdurie, G. Durand. Marseille: Chambre de commerce et d'industrie Marseille-Provence, 1998.
- Fassin D., Mazouz S. Qu'est-ce que devenir français? La naturalisation comme rite d'institution républicain // Revue française de sociologie. 2007. № 48:4, oct.-dec. P.723-750.
- Favre J. Discours parlementaires. Paris: E. Plon, 1881. 4 vol.
- France's Lost Empires: Fragmentation, Nostalgia and la fracture coloniale / Ed. K. Moss & N. Firth. Plymouth: Lexington Books, 2011.
- French and Algerian Identities from Colonial Times to the Present: A Century of Interaction / Ed. A.G. Hargeaves & M. J. Heffernan. Lewiston: Edwin Mellen, 1993.
- Fromentin E. Between Sea and Sahara: An Algerian Journal / Trans. by B. Robinson. Athens: Ohio University Press, 1999.
- Gautier T. Caprices et Zigzags. Paris: Victor Lecou, 1852.
- Gerson S. The Pride of Place: Local Memories and Political Culture in Nineteenth-Century France. Ithaca: Cornell University Press, 2003.
- Goncourt E., J. de. Pages retrouvées. Paris: Charpentier, 1886.

- Gosnell J. K.* The Politics of Frenchness in Colonial Algeria, 1930-1954. Rochester: University of Rochester Press, 2002.
- Gurfinkiel M.* Islam in France: The French Way of Life is in Danger // Middle East Quarterly. March 1997. P. 19-29.
- Hain V.-A.* A la nation sur Alger. Paris: Tout les Marchands de Nouveautés, 1832.
- Hartman E.* Three Nineteenth-Century French Writers / Artists and the Maghreb. Tübingen, Germany: Gunter Narr Verlag, 1994.
- L'Orientalisme des Saint-Simoniens / Sous la dir. de M. Levallois & S. Moussa. Paris: Maisonneuve et Larose, 2006.
- La Question d'Orient au point de vue français et catholique. Paris: Charles Douniot, 1864.
- La revolution de 1848 en Algérie / Sous la dir. de M. Emerit. Paris: Larose, 1949.
- Muslim Europe or Euro-Islam: Politics, Culture and Civilization in the Age of Globalization / Ed. N. Alsayyad & M. Castells. Lanham: Lexington, 2002.
- Nationalizing Empires / Ed. A. Miller & S. Budapest: Central European University Press, 2015.
- Poujoulat J.-J.-F.* Études africaines. Paris: Imprimeurs-Unis, 1847.
- Prochaska D.* Making Algeria French: Colonization in Bône, 1870-1920. Cambridge: Cambridge University Press, 1990.
- Saint-Simon H. de, Enfantin P.* Œuvres de Saint-Simon et d'Enfantin. Aalen: O. Zeller, 1963-1964. 47 vol.
- Sessions J. E.* By Sword and Plow: France and the Conquest of Algeria. Ithaca: Cornell University Press, 2011.
- Sheppard T.* The Invention of Decolonization: The Algerian War and the Remaking of France. Ithaca: Cornell University Press, 2006.
- Silverstein P.A.* Algeria in France: Transpolitics, Race and Nation. Bloomington: University of Indiana Press, 2004.
- Smith, A. L.* Citizenship in the Colony: Naturalization Law and Legal Assimilation // Nineteenth-Century Algeria. Polar. 1996. № 1. Nov. P. 33-50.
- Spillmann G.* Napoléon III et le Royaume Arabe d'Algérie. Paris: Académie des Sciences d'Outre-Mer, 1975.
- Todd D. A.* French Imperial Meridian, 1814-1870 // Past and Present. 2011. № 210. Feb. P. 155-86.
- Urbain V.* Des Arabes // Journal des Débats. 19 Décembre 1837.
- Verne H.* La France en Algérie. Paris: Charles Douniol, 1869.

- Veillot L.* Les français en Algérie. Souvenirs d'un voyage fait en 1841. Tours: Admame, 1869.
- Voisin G.* [Ismael Urbain]. L'Algérie pour les algériens. Paris: Michel Lévy, 1861.
- Wilder G.* The French Imperial Nation-State: Negritude and Colonial Humanism between the World Wars. Chicago: University of Chicago Press, 2005.

Gavin Murray-Miller

**FRANCE AND ALGERIA:
TRANS-MEDITERRANEAN SOCIETY**

The colonization of Algeria had an important influence on French politics, culture and the economy during the nineteenth century. This article proposes examining France as a Trans-Mediterranean society characterized by both national and colonial elements. It attempts to question boundaries between nation-state and empire by focusing on the multiple and competing national imaginaries that often shaped understandings of France in an age of imperialism. Trans-Mediterranean France constituted one means of conceptualizing a national-imperial community and provides a framework for assessing French history as well as analyzing current issues relevant to identity politics and multiculturalism today.

Keywords: history, France, Algeria, Mediterranean, nation, nationalism, Nation-state

**ANNUAIRE
D'ÉTUDES FRANÇAISES
2017**

**La France et la Méditerranée
aux époques moderne et contemporaine**

**Moscou
2017**

**ФРАНЦУЗСКИЙ
ЕЖЕГОДНИК
2017**

**Франция и Средиземноморье
в Новое и Новейшее время**

**Москва
2017**